

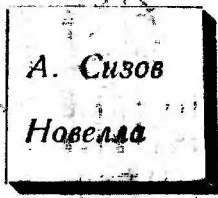
ГДЕ и когда, в каком веке это все было: на горизонте стояли гонимобельно-синие, нестерпимые гряды лесов, в ближних чащах слышненько разгваривали ручьи и сбавочно думали птицы. Травы были шумны и ясны, дни лучезарны, и солнце пугало в складках рубашки, а в ветре, падавшем от недалеких кипрейных куртин, было столько меда, что от него сушило в горле и спалился волоски. Где и когда это было?..

Наверное, это было в детстве. Мне ясно видится то первое семеновое лето. Носа была тяжелая: не по росту, вдобавок я не умел как следует закатывать, отбивать ее, обязательно сворачивал жалю... Носа села землю и тогда совсем тупилась. Приходилось косить, стиснув зубы, а солнце беспощадно пекло, пот заливал рубашку. Рубашка высидела и вечеру, и тогда на ней — под мышками и на спине — жественно обозначалась белыми разводами соль. Соль собственного тела.

Когда же я совершенно обессилел, то бросил носу под таловый куст и брал в ближнем логу. Там я осторожно раздвигал бритвенно-острые стебли осоки, припадал щеками к бурьянному кочкарнику и с наслаждением выщипывал из торфяных ямок студеному, ломящую зубы влагу. Вода пахла мхом и брусничкой.

Но косить после питья было не легче, к концу дня ощущимо понакалывало в боках, пошатывало и поташивало, а в глазах марьяжило, они наболелись легким туманом. Тогда чудо — по всей пойме вспыхивала и гасла зеленые лампы, зеленые радужные фонари. Да, так было: тяжелый труд, в избытке перегружавший каждую клеточку тела, перевоплощал окружающий мир, делал его фантастически отрешенным, сверхъестественным...

А мир был таков: в просторном небе легко, вольготно дель за днем плыли серебрястые цепляющие облачка, и бежал за ними по земле, стался в лугах, по кочкарнику, по таловой поречной зелени, пронизывая в днищем рек серебрястый свет. Улантительный свет, он был всюду. Опускали бегущие затененные в кустах воды, и дуб старичок, единственный в пойме из старожилков, светился весь изнутри вежно-зеленоватым, будто неоновым светом. Свет — призыв! Он высвечивал все до травинки, до листика, и везде было ровно светло, нигде не было тени, и травы в лугах стояли тихие, словно спящиеся. Неужели так и назалось в детстве, что нигде нет тени?.. Так и назалось...

Облачный свет одевал в легкий прозрачный флер березовые грибы. Какие березы! Звенят они день и ночь неутомимо, звенят дорогим, слабо оваренным шелком. И такие — не шелвельнут березы ни единой своей веточкой, гордые даже в излобе, даже в наклоне, и от того — ощущение асютонной приямности. Как все дорого, крупно, асютонце! И отивают глищенем березовые стволы. Пожму они — в черни, будто из дорогого лабратора, который олетен высокой жасной травой. Тогда, давно-давно, я падал

ТЕПЛАЯ ЗЕМЛЯ

на эту траву и лежал ничком, спевив на затылке руки, и напряженно, со слезами на глазах вслушивался в этот вепрестанно бегущий, березовый шелест. Подростом, я уже тогда страстно делал, растил одну мятежную сластолюбную мысль — бежать из этого мира. Как узник, готовившийся к побегу, я хорошо знал дорогу из него. Я тщательнo, в деталях научил ее, думал о ней.

Дорога эта называется так: по соседнему лугу вьется, петляет плотно убитый, травянистый проселок, он приходит к паромной переправе. Река магннеев белеет песии, мерцают воды. Река плавная, спокойная и в великую сушь, и в половодье, гордо, с достоинством несет свою воду. Я думаю о ней, как о женщине. Река-розова, она хранит себе достоинство даже в узкий мектах и на поворотах. Река верна своему руслу. Верна тысячи лет. Наверное, река так постоянна потому, что она — огромна. Или наоборот — огромна, потому что постоянна.

Перевалившись через реку, нужно ступить на пыльный болышак, «проглотосовать» перед колхозным газномом и впритыку в кузов. И газин помчит тебя через тушеюющие поля, вдоль пыльных деревенских улиц, и где-то там, за увалом, перегрешившись от жары скаты с тихим шумом лизнут воду пересохшей речушки, вознеут на холм и медленно остаются перед серой лентой асфальта. По шоссе мчатся нарядные, сверкающие стеклом и краской автобусы, и нужно будет, осмелев, остановить один из них и с заманчивым сердцем войти в ослепительный салон и ехать, ехать в большой, полный солдазнов мир, в котором еще на рязу не был. Но что будет потом, а пока...

Пока кричат в чаще ручьи и звонко голосят

птицы. Смеются лютики на лугу, а в волосах, пахнущих медом, горячо и неразборчиво жуужат пчелы. Добрае пчелы, доброе лесные таари — они никогда не укусят, даже если березию взять одну из них за бархатную спинку и посадить себе на ладонь. Мир так широк и многоцветен для них, а цветы так добры и ним в это лето, что пчелы, кажется, понимают ласку человека.

Но главное — земля. Древяя родная земля. Она теплая, расточительно теплая. Дане когда трещит мороз и по студеным снегам бегут сневатые тени, даже тогда она теплая. Надо понамасть, осознать это тепло; там, под толщей снега, оно, как нянька, леплет и бережет все земные семена, зароды и тьяны.

Александр Сизов работает помощником бурьяльщика в Сургутской нефтегазодельной экспедиции. Его рассказы и стихи не раз публиковали районные и областные газеты, литературные альманахи. Вниманию читателей — лирическая новелла А.Сизова.

Но когда в летний полдень ленишь навзничь на земле, тогда уже явственно ощущается это тепло. Оно щедро исходит от земли и через траву, через рубашку прокалывает тело до последней косточки, ощущаешь, как сильно, жгуче гудит после этого нагреда тело. Тот Антей, черпающий свою силу от прикосновения к земле, ведь это не выдумка древних, ведь это — мифическое выражение сущего. И вот приходит момент — надо опереться ладонями об эту теплую землю и сделать первый шаг в большой замаяченный мир. И земля тут — материнская десница, провожающая в дорогу.

И будут потом первые шаги по тому миру, первые ошибки, еще не роковые, но жестоко наущающие ранение полетным открытую душу. Тогда придется в смятении возвращаться, падающим на землю, как на материнские колени, в лежать, плавать. И земля беренно, гериленно будет врачевать твои раны. И тут главное — принять ее ожесточившимся сердцем. Не оттолкнуть, не раслюбить — вот главное. И потом — когда освоишься в жизни, будешь по хозяйски властвовать в ней, когда откинутся десятилетия, сотни ослепительных солдазнов — и тогда не забыть, не променять свой маленький мирок, из которого вышел. Остаться верным своему руслу, остаться человеком, таким, каким тебя задумала земля, твоя малая родина — вот главное. Ведь с нее, малой зеленой родины, и научаются для нас та большаа Родина, которой обиделись под семью алым знаменем мы полагались служить перво до конца дней своих и которой теперь на всю жизнь служим...

Теплая, теплая земля!

Н. Шамсутдинов

Путьна

Мне, конечно же, повезло. И начальники навзнут на до... Где ведет в глубине путьна Рунговорную путьна. От Сургутского рыбзавода Разгоняются мотоботы — Не удержишь в главном пзу, Как ни пробует Обь на зуб: Ишь, валами тесным-тесна Голубая ее десна... Мы забросили сети поздно, По ладоням бежал сполох. Вот и звезды ушли на роздых, Мелководным лишь не спадлох — Ерш и прочая лабуда. Вскоре вышли невода. Вспыхнул окунь.

Но где же эти, Чем, задаривая, дразня, Раздобревшие чудо-сети Обволакивают глаза?.. И была не была (все к лучшему). Распихивашу дует улюкчи, Мгнисься в шорохах на воде, Галопируя на волне... Между иржестных да суровых, Впечатляющих их теней, Лишь всплеснет над водою слово И затворится в тишине. — Эй, с заичном, — иртычу, — с уловом! И в разбравенных березки Повернется лизнуть невольно Отелвившая река, Говорит бригады: «Конец!» Зубы трубочкой качая, В рыбье голубяне крошечной Улыбается ячея. Только выплснутыся лучам — Расхохочется ячея... Мы же сумрача выгребем, Выгребаем на красный банен — Солнце ластится я небосводу У Сургутского рыбзавода.

ПЕРЕГОН ОЛЕНЕЙ

Чажый вырвдок арской голые вслушались восте! Как уме ва горизонт серых выгесо оленей,

Кареглаз табушкия юный, точно солнце лепесток В изумленные зрачка уронило при рождение. — Эй, табушкия, молодец! Распотешнас? Надаа! Несомненно, о тебе нужно только лишь стихами, Коль отагаа и задор выплеснулись через край И по тушаре золотой хороветат косками! Ярче неки! Боева, громче музыка конит! Как захлестнутый уздой, ветер вздыбился навстречу.

Юный утренний фанис на прогалитки разбит, И силоняется над ним, примораживая, вечер. Загустевшей синевой опнаются снега, Подражательная луна размахнулась на мерьяне. Что ж, раскладывая костер — небо в звездных косках. Важнее и важнее твои всколыхнууд мироздание!

Апрельский лед, запущенный, бесхозный, Бессонницей вымотал заикоза, И редкий дель зрачкастые просветы Говенной геологоразведки: Лед разорвет постылые объагты — Предвестница ромашковых званятий, Патронами, тушеюющей и борщам Нагривает залубезная баржа. Она пришла нежданно-неждано: С разминистостью звездного бытана. Идв аажившим тоненьких костров Разланы дубы прожекторы! Поселенье марьяращие дойма... И вот четата в забасанном трюме, Где а нам припаав, струдаясь гаметы, Пятипедальной давности газетны И папанаш от разлук и бед — Почтоашия помотавшийся брезент. Из темных педар жышки — салотом! И кто-то арио реанит в полутона: — Эй, слава макронному десанту! — Рокочущее эхо над лесами... Ушла баржа. Повеышена озера. К пустой воде не приулинься взором. И третий дель, как будто гретий год, Холодная порода, из-под нб, Холодные, сырые асчмедки, Холодные забатные аисья — Ну, словом, будни, иголева проза... Лишь сумрачные буркала заикоза, На отор риз в тенетах небосаде — Распуница, неветная погода.

ВНИМАЯ МУЗЫКЕ СТИХОВ.

Фото П. Левченко.

Ю. Лапин

ВЫШКАРИ

Посвящается бригаде вышкарников Феррей Социалистического Труда С. Я. Ваганова. Таега вековая недумит, В колодинах бьется, в валежниках. Болычками прут наружу Болотнищ бесформенных А вышки, с ободотами в прожекторах, К площадке подкиса добираешься — Крамольными тропинки, Грязищи, хмельной

нахлебаться, мышцы, Машины рокочит утробой, И снова бригада мыслит: Что без долгу сто раз, пробовать, Землю морозцаи дабает, А Лотро, мощна разлунуча, Подст буровой Ваганова! Простефному случаю, Приделится в небо снеге, Расставит железная дорога, И адрот буровой слобда, В рабочем полете, вздрогнет, Чиста в оправданна совесть, И сердце горагится свершенном, Сладкие же вышкарники кобсе, В стадам авершения.